

Современность
26.1.60.

ТЕМА нашего пленума сформулирована очень лаконично и очень ясно — «Музыка и современность». Уже одно сопоставление этих слов показывает, с какими небывало грандиозными явлениями следует нам соизмерять сейчас всю творческую работу.

Современность — это величественная программа развернутого строительства коммунизма, это огромные успехи, которые достигнуты народом нашей страны уже за первый год осуществления этой программы. Это первый в мире атомный корабль, созданный учеными, инженерами и рабочими Советской страны. Это их же талантом, знаниями и трудом созданные искусственные спутники Земли и Солнца, космические ракеты, это огромные успехи миролюбивой политики Советского Союза. Современность, и это самое главное, большой духовный мир советского человека — строителя коммунизма.

Вопрос о том, как искусство может и должно служить современности, — вопрос не новый. Он стоял и в центре внимания классиков русского искусства. Великие мастера прошлого всегда стремились служить своему народу, служить современности, видя в этом самую большую цель и самое высокое предназначение своего искусства.

В дореволюционной России служение современности было прежде всего борьбой с самодержавием, и в условиях этой борьбы творческая свобода передовых художников, естественно, была ограничена. Только Великая Октябрьская социалистическая революция сняла противоречия между передовыми художниками и окружающей их действительностью.

И тогда художники приобрели подлинную свободу творчества, потому что подлинная свобода творчества — это свобода художника служить своему народу, а не просто свобода формального экспериментирования.

С первых же шагов советской музыки ее центральной темой стала современная революционная тема. Она и определила особое значение советской музыки как новой эпохи в развитии музыкального искусства. Не сразу, конечно, удалось композиторам найти художественно полноценное выражение новой темы. Но характерно, что даже первые малодарные опыты в этой области были приняты народом с глубокой благодарностью, потому что по своему духу и содержанию это было искусство современное, отвечающее требованиям и желаниям масс.

С середины 30-х годов произошел серьезный и решительный качественный перелом в нашем музыкальном творчестве. Современность азвучала в произведениях независимо от заголовка, названия, программы и комментариев. В самой музыке композиторы нашли звучание современности. С этого момента советская музыка получила широкое признание и у нас, и за рубежом. С этого момента она устойчиво заняла ведущее положение в мировой музыкальной культуре, отстаивая великие принципы реализма и борясь со всяческими проявлениями буржуазного формалистического искусства.

Особенно тесно слалась музыка с жизнью народа, с его борьбой и устремлениями в годы Великой Отечественной войны. В это суровое, героическое время было создано много полноценных в идейно-художественном отношении произведений во всех жанрах — от песни до оперы и симфонии. Назвав некоторые из этих произведений, Д. Кабалевский подчеркнул, что все они не просто хороши в художественном отношении, но в них ощущим пульс времени, отражены мысли и чувства, волновавшие советских людей в годы Отечественной войны.

Напомним, что в первые послевоенные годы наступил некоторый спад в музыке, отход от ранее завоеванных ею вершин, приведший к появлению серьезных творческих ошибок, справедливо осужденных в партийных документах, докладчик отметил, что наиболее значительные достижения композиторов в эти и последующие годы были связаны с широко развернувшимся движением борьбы народов за мир во всем мире. В частности, лучшие песни на эту тематику звучали и звучат во всем мире; они, если так можно сказать, приняты на вооружение движением сторонников мира.

В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ, говорит Д. Кабалевский, вновь чувствуется некоторое ослабление связи музыки с жизнью и с современностью. Хороших и даже превосходных по своим худо-

бы коллективным умом всех композиторов, музыкальных деятелей, участвующих в его работе, найти путь успешного продвижения вперед. Для этого нужно прежде всего разобратся в некоторых ложных толкованиях самого понятия современности, имеющих хождение в нашей среде.

Нередко говорят: современно все, что воплощено с позиций современной, передовой идеологии. Здесь понятие современности фактически сводится к и заменяется проблемой современного взгляда на жизнь. Конечно, очень важно с позиций сегодняшнего дня осознать и любую страницу истории, ибо, если художник не понимает по-настоящему и не чувствует дыхания сегодняшнего дня, где уж ему понять день вчерашний... Но не надо путать понятие «современного взгляда» с понятием «современности».

Существует и второй довольно распространенный взгляд: будто бы для настоящего, большого искусства важны только большие, так называемые общечеловеческие темы, а темы современности, злободневности — это удел очерка, плаката, массовой песни.

Здесь ставится знак равенства между понятиями злободневности и однодневности. Однодневность — это вопрос художественного качества. Любое произведение, даже на историческую тему может быть однодневным, и есть немало сочинений, написанных на злободневные темы и оставшихся жить.

Что же касается общечеловеческих тем, то общечеловечно все то, что ведет к идеалу человеческого общества, к коммунизму, что войдет в богатейший и многосторонний мир человека эпохи коммунизма, в его идейный и морально-этический кодекс.

Далее Д. Кабалевский обстоятельно остановился на вопросе трагедийности в современном искусстве. Жанр высокой трагедии, сказал он, — искусство по природе своей сильное и оптимистическое. Именно таковы, в частности, лучшие симфонии Д. Шостаковича. Но наряду с подлинно трагедийными произведениями, в которых чувствуется большой и сильный герой, у нас возникла какая-то унылая и немножко доморощенная «трагедийность», ставшая в последнее время чем-то вроде моды.

Рассмотрев причины распространения этой моды среди части композиторов, Д. Кабалевский подчеркнул ошибочность мнения, будто трагедийность является сферой, наиболее полно выражающей атмосферу нашей современности. Такое мнение неправильно ориентирует, в частности, молодежь, которая, не имея достаточного жизненного и творческого опыта, начинает искусственно, натушно создавать «трагические концепции». В наши дни с их огромными перспективами и безбрежными горизонтами будущего у советского человека есть желание, потребность услышать в искусстве то бие творческого пульса, ту жизненную радость, которые звучат во всех проявлениях нашей жизни...

Вопрос о современной теме — это вопрос о главной линии развития нашего искусства. Д. Кабалевский напомнил участникам пленума известное указание Н. С. Хрущева о том, что литература и искусство должны быть всегда неразрывно связаны с жизнью народа, правдиво отражать богатство и многообразие нашей социалистической действительности, что «высшее назначение литературы и искусства — поднимать народ на борьбу за новые успехи в строительстве коммунизма».

Современная тема в искусстве, говорит докладчик, может быть определена как тема, в которой воплощены передовые коммунистические идеи и идеалы, духовная атмосфера современности и дух нашего народа сегодняшнего дня.

Вопрос об отражении атмосферы времени чрезвычайно важный для искусства вообще, а для музыки особенно. Если в самой музыке нет пульса современности, атмосферы современности, ничто ее не спасет. В центре музыкального произведения всегда стоит человек, его внутренний мир, и заменить его нельзя ничем. В связи с этим Д. Кабалевский критикует Четвертую «космическую» симфонию Я. Яваса, который вместо человека-героя поставил в центре произведения образы неких космических машин.

Каковы же характерные черты внутреннего мира советского челове-

Доклад Д. Кабалевского на пятом пленуме правления Союза композиторов СССР

устремленность в воззрениях и во всей деятельности, иначе говоря, оптимизм.

Если с такой точки зрения подойти к музыкальному творчеству последнего времени, сказал докладчик, то, несмотря на наличие хороших и ярких произведений, нужно признать, что у нас много нерешенных задач, много недостатков.

Прежде всего докладчик остановился на песенном творчестве. В этой области у нас сейчас не все благополучно, сказал он; наша песня больна унылой меланхолией. Под видом лирики появилось огромное количество сочинений, где звучит слабая печаль слабого человека, ноющего и жалующегося на свои очень частные порядки неудачи в жизни. В песне появился эмоциональный штамп. И этот штамп начинает распространяться на песни гражданского содержания, на песни о Родине, о комсомоле, о партии. Он оказался настолько сильным и настолько вездесущим, что влияние его чувствуется на творчестве огромного количества композиторов.

Его избежали даже А. Новиков, В. Соловьев-Седой, В. Мурадели — художники, по своей творческой природе сильные, мужественные, никогда не дававшие повода упрекать их в сентиментальности.

В доказательство своей мысли Д. Кабалевский анализирует некоторые песенные сочинения, критикуя также работы Э. Колмановского, А. Лепина, О. Фельцмана, М. Фрадкина и других.

Мне кажется, продолжает оратор, положение с песней очень серьезно. Мы говорим о воспитании художественных вкусов, о воспитании детей и молодежи, и мы же пишем плохие, сентиментально-пошлые песни, мы же их издаем и пропагандируем. Это уже вопросы принципиальности в творчестве, вопросы ответственности за каждую строку, которую мы пишем.

Нужно понять одно: сейчас мы обязаны предъявить к себе требования столь же высокие, какие предъявлял к нам народ, иначе отстанем. Ведь и сейчас у нас пишутся отличные песни, говорит Д. Кабалевский. С моей точки зрения, таковы песни В. Соловьева-Седого «В путь», «Если бы парни всей земли» и «Подмосковные вечера». Одни только «Подмосковные вечера» в смысле пропаганды хорошего вкуса сделали больше, чем все наши вместе взятые выступления с трибуны. Далее Д. Кабалевский с похвалой отзывается о последних песнях А. Флярковского, А. Холминова, А. Пахмутовой, а также о сочинениях нескольких иных вокальных жанров В. Калпа, В. Левашева и особенно В. Чистякова. Вокальный цикл последнего «Песни мужества» — яркий пример высокохудожественной музыки. Вот где, несмотря на скорбные моменты в тексте, нет никакого уныния, сентиментальности!

Д. Кабалевский говорит, что сейчас задача в области песни заключается в том, чтобы, с одной стороны, подвергнуть нелицеприятной критике то, что тормозит развитие советской песни, с другой стороны, собрать с огромной любовью все удачное, интересное, талантливое, пишущееся во всех республиках страны, и обобщить этот ценнейший опыт.

Ряд интересных мыслей высказал докладчик по проблеме реализма музыкального творчества. Развивая положения Б. В. Асафьева об интонационном словаре эпохи, он обратил внимание на широту и богатство интонационного мира советской действительности. Сейчас создан уже свой определенный мир интонаций пионеров, интонационный облик молодежи и т. д. И реализм в музыке немалым вне этой интонационной конкретности. Пример тому говорит Д. Кабалевский, «Поэма о пионерке» (на стихи Э. Багрицкого) А. Петрова. В этом сочинении немало привлекательного, но если мы не будем слышать текста Багрицкого, а слушать только музыку, то не придет в голову, что речь идет о пионерке. Второй подобный пример — «Пионерская сюита» Е. Овчинникова, интонационный мир ко-

нем костре», Д. Шостакович в хоре «Пионеры сажают леса» из оратории «Песнь о лесах» пошли по иному пути. Мы отчетливо слышим, что это образы советских пионеров, причем это именно «прокофьевские» пионеры, «пионеры Шостаковича».

Некоторые инструментальные произведения, посвященные теме Отечественной войны, ярко реалистичны именно потому, что авторы в них опирались на интонационный мир тех лет, на народные партизанские песни, на интонационный мир массовых песен военной поры. Точно так же реализм Одиннадцатой симфонии Шостаковича в том, что композитор великолепно ощутил дух и существо интонационной атмосферы революционных песен той эпохи. Как бы хорошо ни знал композитор жизнь, но если он ее не услышал своим чутким ухом, то он будет подобен глухому, который взялся писать музыку...

— Я не могу не высказать своего глубочайшего огорчения, — говорит Д. Кабалевский, — которое я испытал, слушая струнный квартет В. Салманова, посвященный памяти погибших в годы Великой Отечественной войны. Здесь снят вопрос о красоте музыкальных образов. А ведь речь идет о героях Великой Отечественной войны, их подвигах. Это же предельная красота человеческого духа! И разве можно решать такую задачу то унылыми звучаниями, то вдруг какой-то истерикой? Истерика и подвиг героя несовместимые вещи. Опять-таки основная причина в том, что автор прошел мимо реалистических живых звучаний жизни.

Затем Д. Кабалевский, отметив естественно напряженную кульминацию в хорошей в целом «Праздничной увертюре» С. Гаджибекова, касается Третьей симфонии Б. Лятошинского, где тема войны получила, с его точки зрения, яркое воплощение, хотя в финале и не хватает ощущения подлинной радости победителя. То же или почти то же ощущается и в вокально-симфонической поэме Ю. Балкашина «Травой заросли окопы»: солист поет о том, как светит солнце, как светло вокруг, а в партии хора — традиционное русское причитание, плач...

— Я испытывал очень большую радость на этом пленуме, — продолжает докладчик, — когда слушал «Патетическую ораторию» Г. Свиридова. Это — произведение, где, говоря словами Маяковского, воспеваются «Отечество, которое есть, и трижды, которое будет». Тема этого сочинения будет современна и завтра, и послезавтра.

Оратор отмечает, что оратория эта,

может быть, станет переломной в отношении композиторов к поэзии Маяковского, которая, как показал Свиридов, очень хорошо поется... Новаторство Г. Свиридова — новаторство настоящее: он лепил форму в соответствии с тем, как развивалась идея произведения. Впечатление такое, что форма рождалась в самом процессе сочинения.

Высоко оценил докладчик музыку Второй симфонии А. Баланчивадзе. В этом произведении, говорит он, в самой музыке слышна атмосфера сегодняшней жизни, биеение ее пульса. Жаль, правда, что великолепный медленный финал терпит оттого, что ему предшествует слишком много медленной музыки. Здесь, возможно, есть драматургический просчет.

В связи с Симфонией памяти 26 комиссаров молодого композитора Б. Парсаданяна Д. Кабалевский говорит о том, как нужно учиться у старших мастеров. Учение не заключается, указывает он, в копировании каких-то элементов музыки любимого композитора. А так, к сожалению, бывает у молодых авторов, в частности, по отношению к Д. Шостаковичу. Обидно, когда его растаскивают и превращают в мелкую разменную монету. Так, в первой части симфонии Б. Парсаданяна есть отзвуки и 5-й, и 7-й, и 10-й симфоний Шостаковича. Во второй же и третьей частях автор заговорил своим голосом, и сразу музыка стала живой, волнующей, причем чувствуется, что он многому действительно научился у Шостаковича.

Д. Кабалевский высоко оценил симфонию А. Эшпая (хотя и отметил некоторое конструктивное несовершенство его финала). Как хороший пример органического решения молодой темы музыка симфонии отвечает эпиграфу, взятому из Маяковского: «Надо вырвать радость у грядущих дней».

Говоря в заключение, что искусству социалистического реализма чужда всякая ограниченность, что ни история, ни эпос, ни сказка не исчезнут никогда из нашего искусства, Д. Кабалевский подчеркнул, что воплощение современности всегда остается определяющей задачей советского искусства.

Искусству принадлежит огромное место в современности. На искусство возлагается большая и ответственная обязанность — быть помощником партии, быть воспитателем народа.

Мы должны сделать все, чтобы подняться на новую ступень, чтобы не отстать от жизни. Цель нашего творчества в том, чтобы идти вместе с народом к коммунизму, помогать ему в движении вперед. Тогда мы выполним большую задачу, возложенную на нас партией, народом, жизнью.